

НЕПИСАНАЯ ЛЕТОПИСЬ

КНЯЖИЙ ЗНАК



АЛЕКСАНДР ГОРДЕЕВ

Александр Гордеев

Неписаная летопись. Княжий знак

«Автор»

2026

Гордеев А.

Неписаная летопись. Княжий знак / А. Гордеев — «Автор», 2026

1066 год. Князь Всеслав Брючиславич готовится к войне с Ярославичами и думает, что знает, откуда ждать врага. Потом на его пути появляется инок Гавриил — странник с оружием, тяжёлым прошлым и знаниями, которым странно владеть христианскому монаху. Он говорит о другой войне. О Старом Ряде, охраняющем границу между человеческим миром и тем, что скрывается за нею. О Пророчестве, в котором почему-то назван полоцкий князь. И о силах Глубины, для которых людская междоусобица — удобное время выйти из тени. Всеславу предстоит оставить княжеский двор и пройти дорогой, где летописная Русь соседствует с древними преданиями, забытыми существами и тайнами, пережившими Крещение. Он ещё не знает, откуда спустя годы возьмутся рассказы о Всеславе Вещем, князе-чародее и князе-волке. Гавриил знает. Потому и начинает свою запись.

© Гордеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Гордеев

Неписаная летопись. Княжий знак

Глава 1

23 мая 6620 года от сотворения мира (1112), Полоцк, при соборе Святой Софии

«На войне первой гибнет истина», — сказал один греческий мудрец больше тысячи лет назад. Увы! Сколько же правды в этих словах. И тяжела эта правда одинаково для победителей и для побеждённых, потому и те и другие кроют её по своему желанию. Победители приукрашивают, прибавляя то, чего не было, а побеждённые уродуют, лишь бы сделать своё поражение не таким горьким и свалить вину на кого-нибудь третьего.

Потому я, смиренный пред Господом инок Гавриил, на исходе своего земного пути взялся сохранить истину такой, какой она была, чтобы наши потомки знали, что предшествовало кровавым событиям на Немиге и что последовало за ними. Теперь уже находятся злые языки, которые рассуждают так, будто всё решилось в тот один мартовский день: Всеслава разбили Ярославичи — и на том его сила кончилась. Другие, кому простая правда кажется слишком скучной, уже готовы искать измену там, где её не было, и назначать виновных за всё, что случилось после. Не было всё так просто. Да и редко когда бывает. Человеку вообще свойственно забывать, а в собственной беде ему куда легче обвинить другого, чем вспомнить, что делал он сам.

Потому я, смиренный пред Господом инок Гавриил, на семьдесят девятом году жизни решил собрать прежние свои записи в три книги. Если бы не мудрость одной старой вешуньи и не её настойчивость, я, пожалуй, ничего бы тогда и не записывал. По её совету я вёл записи обо всём, что вело нас к Немиге и к событиям, последовавшим за ней, — о людях, местах и происшествиях, свидетелем, а иной раз и участником которых был сам. Господь наградил меня ещё одним редким даром — умением украшать книги рисунками и узорами. За свою жизнь я немало церковных книг исписал и украсил, а потому и к собственным записям иной раз добавлял рисунки — где ради памяти, где ради красоты. Теперь же руки мои состарились и уже не слушаются, как прежде. Потому и привели ко мне молодого инока Иакова, чтобы писал вместо меня, а я буду говорить ему в перо. Повторять я не люблю, Иакове, да и память моя всё чаще поступает со мной как ей вздумается. Хвала игумену, который тебя ко мне послал. Так что пиши всё. Не перескакивай и не сокращай.

Пиши, Иакове. Теперь мне придётся объяснить многое из того, о чём тогда я либо не мог написать подробнее, либо не успевал. Пергамена иной раз не хватало, а времени — ещё чаще. Пусть это будет чем-то вроде предисловия к записям, которые я начал почти сорок шесть лет назад, когда ещё понятия не имел, какую тяжесть приобретут впоследствии встреченные мной люди и нелюди, случайные разговоры, дороги и знаки. Всё это одно за другим вело к такой крови и такой храбрости, каких наша земля давно не видывала. Ты знаешь, что по ночам я почти не сплю. Вот и вчера ночью взял я гусиное перо, надеясь собственноручно написать хотя бы начало этих книг. Только пальцы уже не способны были удержать это невесомое перышко. Оно всё выскальзывало, словно нарочно играло со мной и насмехалось. Я рассердился и швырнул его прочь. Горько человеку понимать, что он больше не способен удержать между пальцами вещь легче сухого листа. Но что-то не давало мне успокоиться. Я сунул руку под тюфяк и достал старый свёрток, в котором до сих пор храню пращу и короткий меч. Взял меч — и тот лёг в ладонь как влитой. Пальцы будто разом вспомнили прежнюю силу. Сжал рукоять — не дрожат. Рука не ноет. Взмахнул раз, другой; клинок рассёк воздух и засвистел, и кровь так ударила мне в голову, что на одно короткое мгновение я снова почувствовал себя молодым.

Захотелось вскочить на коня и порубить ещё какую-нибудь нелюдь. Увы! Желания со старостью уживаются плохо. Очень скоро я сообразил, что теперь, пожалуй, и на коня без чужой помощи не заберусь, не то что стану с кем-нибудь рубиться. До сих пор не понимаю, есть ли какая-то связь между моим умением украшать книги и умением владеть оружием. Две совершенно разные вещи делает одна и та же рука. Пером она создаёт красоту, клинком — портит то, что сотворил Господь. А всё-таки как приятно было снова держать меч!

Но вернёмся к делу, Иакове. Надо объяснить людям, кто я такой и каким образом простой монах оказался бок о бок с теми, чьи имена знает вся Русь. Как вышло, что мне довелось ехать одной дорогой со Всеславом Полоцким и знать князей Изяслава Киевского, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского. Надо рассказать и о других — известных теперь и почти забытых, — потому что я хочу спасти их дела от забвения, а доброе имя от грязи, которую так любят бросать потомки. И ещё придётся объяснить, зачем священнику оружие, когда положено ему сражаться честным крестом да словом Божиим. А как заставить людей поверить в остальное? Что я разговаривал с существами, которых ныне считают деревенскими сказками. Что встречал тех, кого одни называли древними богами, а другие — бесами. Что видел нелюдей и выходил против них с оружием. Что иной раз существо, от которого добрый христианин отшатнулся бы и осенил себя крестом, оказывалось честнее человека, а человек, громче всех поминавший Господа, — хуже всякой нечисти. Так уж распорядилась судьба, что моя жизнь свернула с обычной дороги на совсем иную тропу. На ней я узнал о мире такое, что известно немногим, и увидел историю, которую люди предпочитают либо превозносить, либо прятать. Потому что истина никогда не бывает удобна для всех. Обязательно найдётся тот, кому она причинит боль.

Я, смиренный пред Господом инок Гавриил, родился, как мне рассказывали, в лето 6531-е от сотворения мира, на Пасху. В тот год князь Мстислав Тмутараканский пошёл на своего брата Ярослава с хазарами и касогами. Вот и всё, что я могу сказать о времени своего рождения наверняка. Кто были мои отец и мать, я не знаю. Меня нашли младенцем у церковной ограды и воспитали монахи. Имя Гавриил дали из-за старого слепого Иосифа, который имел обыкновение просить милостыню возле церкви. Он уверял, будто видел собственными незрячими глазами, как некий ангел спустил меня с небес прямо к церковным воротам. Что, конечно, было полной чепухой. Но братия поверила в доброе предзнаменование и поспешила назвать меня Гавриилом, в честь Божьего архангела. Видно, надеялись, что, когда вырасту, я прославлю и их, и обитель, приютившую меня.

Ошиблись.

Высоко в Церкви я не поднялся. Грамоте выучился, как и прочие: читать, писать, разбирать книги. Особенно полюбил греческих мудрецов и историков, а потом начал искать всё, что можно было узнать о древних римлянах. Иноком стал и иноком остаюсь по сей день. Но при всём смирении моём скажу: мало кто из людей прожил жизнь так, чтобы ему пришлось быть воином Божиим в прямом смысле этих слов. Воином Христовым называют всякого доброго инока, потому что сражается он молитвой, постом и словом. Мне же досталась война иного рода. Приходилось держать в одной руке крест, а в другой — оружие. Таких священников всегда было немного. Ещё меньше было тех, кто принадлежал к Старому Ряду и нёс его службу — защищал людей от тех, кого людьми назвать нельзя.

Я, смиренный пред Господом инок Гавриил, был священником и Хранителем Старого Ряда. За поясом моим висели праща и короткий меч. У обоих были свои имена, слишком старые, чтобы сейчас пускаться в объяснения. О мече же говорили, что выкован он ещё до Потопа, в те времена, когда люди и нелюди вели войны, о которых теперь не осталось ни летописей, ни песен. Столько всего нужно рассказать и записать, а времени у меня мало. Прошлой ночью мне снова приснился тот, кому много лет назад я дал обещание. Старые люди некогда называли бы

его богом; добрый священник употребил бы совсем другое слово. Он сказал, что скоро придёт за моей душой — в назначенный день, как мы с ним и условились.

Странно, Иакове? Мне уже нет. Как рассказать историю, которая началась едва ли не вместе с миром и которую люди замалчивают столько веков? Как вместить её даже в тысячу листов пергамена, если иной раз и тысячи слов мало, чтобы объяснить один-единственный день?

Начать с самого начала? Нет. Тогда мы никогда не доберёмся до конца. Лучше начать с конца. С лета 6574-го, когда до Немиги оставалось меньше года. Ты говоришь — случайность, Иакове? Нет. Я слишком давно перестал верить в случайности. Всё случается по какой-то причине. Случайности — это знаки у дороги. Чем человек мудрее, тем чаще он их замечает и тем легче выбирает путь. Вот только мудрости всегда не хватает. Она набирается по капле и почти всякий раз — после тяжёлого испытания.

Тем летом князь Всеслав и я встретились ещё с одним человеком, чья воля могла многое изменить в делах земных. Мы собрались, чтобы решить, что делать дальше, потому что события вдруг покатались одно за другим, словно клубок шерсти выскользнул из руки и разматывался всё быстрее, а поймать его никто уже не мог. Так начал разматываться клубок нашей судьбы. И привёл он нас туда, куда люди старались без нужды не ходить.

Туда мы и приехали за советом к старой вещунье...

Глава 2

Понедельник, 12 июня 6574 года от сотворения мира

«Кто не знает, в какую гавань держит путь, тому никакой ветер не будет попутным», — сказал римский мудрец Сенека. То же, пожалуй, можно сказать и о путнике, оказавшемся на распутье, где каждая дорога куда-нибудь ведёт и каждая по-своему зовёт.

Вот и я, инок Гавриил, сидел тогда на развилке двух лесных дорог и думал, не лучше ли выбрать другую, неправильную. Потому что слишком хорошо знал, куда ведёт правильная. Левая дорога уходила дальше к северу, к старым волокам и Усвятю. Правая поднималась через густой лес к одному урочищу, куда люди редко являлись по собственной охоте. Разбойники давно перестали искать там спрятанное добро. Те, кто пробовал, либо ничего не находили, либо потом жалели, что вообще туда сунулись. Зато княжеские люди, богатые купцы, старейшины и просто доведённые до отчаяния бедняки издавна приходили туда за советом. Не от хорошей жизни. Мы со старшим полоцким воеводой добрались туда в понедельник, чтобы спросить о беде, которая надвигалась на Русь, и о старом пророчестве, которое, сколько ни хотелось нам верить в обратное, начинало сбываться. До урочища добрались ещё до полудня. День стоял жаркий, но лес долго держал утреннюю прохладу. Под густыми кронами было тихо, а в низине журчал холодный ручей, и от одной этой воды становилось легче дышать. К счастью, воевода Людслав оставил меня ждать на развилке князя Всеслава, а сам со своими людьми — копейщиками, конюхами и слугами — ушёл вперёд ставить стан. Всю дорогу он сердился на меня за то, что я опять отказался от нормального верхового коня и тащился следом за своим маленьким косматым меринком. Людслав уверял, что из-за меня мы потеряли едва ли не целый день. Я утверждал, что он просто разучился ходить ногами. На том и разошлись. Я устроился под старым буком на широком камне, будто нарочно обтёсанном под сиденье. Он был гладкий, почти как речной. И теперь, спустя столько лет, мне кажется, что его действительно кто-то положил у дороги для тех, кто приходит в урочище, — чтобы человек мог посидеть и ещё раз подумать, так ли сильно ему нужен ответ. Слева темнел лес. Справа склон уходил вниз, и оттуда слышался ручей. Ивы свешивали к воде длинные ветви, а возле самой развилки была небольшая поляна, через которую ручей пробегал открыто, прежде чем снова спрятаться среди деревьев. Там пасся мой мерин. Звали его Цок. Он щипал траву с таким видом, будто ничего в мире не могло быть важнее хорошей поляны после долгой дороги. Весь груз я снял с него и сложил возле камня. Глядя на него, слушая воду и птиц, я понемногу успокоился. Даже мысли, которые терзали меня всю дорогу, стали отступать. Мне тогда было сорок три года.

Я находился в полной силе — и телом, и духом, — хотя многие говорили, а некоторые прямо ставили мне в вину, что на священника я похож мало. Наверное, прежде всего из-за одежды. Моя ряса отличалась от обычной монашеской. Ниже пояса она была шире, по бокам имела разрезы, чтобы не путаться в ногах в дороге и верхом, а при нужде нижние полы можно было подобрать. Люди, не знавшие меня, поглядывали настороженно. Другие инок — ещё хуже. Даже те, кому было известно, чем я занимаюсь, редко это одобряли. Сам я никогда не стремился отличаться от братии. Жизнь заставила. Церковь терпела мои странности без особой радости, но уже почти двадцать лет мне многое сходило с рук. Одни уступали мне дорогу из уважения. Другие — из страха. Третьи ненавидели именно за то, что вынуждены были уступать. Среди своих я давно чувствовал себя необходимым злом. Меня принимали в обителях, открывали двери, иногда усаживали во главе стола, но я хорошо видел взгляды. Никто не хотел бы прожить мою жизнь. А то немногое, что обо мне знали, никто не пожелал бы даже врагу. Но всему свой час. О некоторых вещах нельзя рассказывать слишком рано. Солнце поднималось всё выше, и я уже начал надеяться, что князь опоздает и мне дадут ещё немного посидеть в покое, когда за поворотом показался одинокий всадник. Я глубоко вздохнул, точно перед

тем, как нырнуть в холодную воду. Все дурные мысли тут же вернулись. Проклятые сомнения. Одно рождает другое, другое — третье, и вскоре уже не понимаешь, с чего всё началось. Чутьё прежде не раз спасало мне жизнь. И теперь оно шептало совсем близко, почти в самое ухо: после этого дня ничего не останется прежним. Будто где-то прорвало плотину и нас уже подхватила вода. Оставалось только держать голову над течением.

Всадник приближался неторопливо. По одежде и оружию было видно человека княжеского звания, а вскоре сомнений не осталось. Всеслав Брючиславич ехал один. О князе полоцкого я слышал достаточно, хотя лично до того дня мы почти не знали друг друга. При дворе рассказывали о его быстром нраве, памяти на лица и обиды, упрямстве и привычке решать самому даже то, для чего у князя имелись бояре, тиуны и воеводы. Он был крепко сложен, широк в плечах, держался в седле легко, без показной важности. Лицо загорелое, волосы тёмные. В нём уже чувствовался человек, привыкший к власти, хотя стариком он, конечно, не был. Увидев на безлюдной дороге монаха, Всеслав сразу насторожился. Остановил коня в нескольких шагах от меня, оглядел лес и спросил:

— Ты кто такой и чего здесь сидишь?

— Тебя жду, князь, — ответил я совершенно серьёзно.

Он нахмурился. Не понравилось ему это. А поскольку я уже слышал, что Всеслав не принадлежит к людям, которые долго размышляют, прежде чем схватиться за оружие, я решил не испытывать его терпение.

— Инок я. Гавриилом зовут. Воевода Людслав оставил меня здесь встретить тебя.

Всеслав оглядел меня от головы до ног.

— Про тебя я слышал.

По его лицу я понял, что ничего хорошего.

— И что же?

— Всякое. — Он снова меня осмотрел. — На монаха ты похож плохо.

— Не первый это говоришь.

— Монахи обыкновенно худые, бледные. А ты больше на человека, который монаха где-нибудь в лесу раздел, рясу забрал и теперь прикидывается.

Я улыбнулся.

— Если бы я был разбойником, князь, мы бы сейчас не разговаривали.

— Это почему?

— Потому что уже ограбил бы тебя.

Всеслав помолчал, потом неожиданно усмехнулся.

— Смело.

— Зато коротко.

— А ты и вправду Гавриил?

— Если братия, воспитавшая меня, не солгала.

— Имя тебе не очень подходит.

— Мне и ряса не очень подходит. Я привык.

Князь, кажется, немного расслабился. Я посмотрел на дорогу за его спиной.

— А где твои люди?

— Отстали. Дорога длинная, а я не люблю тащиться шагом только потому, что кому-то жалко коня.

— Значит, разбойников ты тоже не боишься?

— А надо?

— Уже нет. Ты со мной познакомился.

Он фыркнул. За первым недоверием я почувствовал в нём то, о чём мне прежде рассказывали: Всеслав мог вспыхнуть быстро, но и смеяться умел без долгих приготовлений. Князь посмотрел сначала на одну дорогу, затем на другую.

— Куда?
— Правой.
— Хорошо. Я бы её и выбрал.
— Почему?
— Правая.
— Сильный довод.
— Лучше твоего. Ты вообще сидел здесь и думал, не уйти ли по другой.
Я посмотрел на него внимательнее.
— А ты наблюдательный.
— Иначе долго князем не проживёшь.
Я показал на дорогу, уходившую вверх.
— Нам туда. Недалеко. Воевода уже ставит стан.

Тут из-за поворота наконец появилась княжеская дружина — около двух десятков конных, следом несколько вьючных лошадей и люди пешком. Всеслав вдруг посмотрел на поляну.

— Это твой?
— Мой.
Цок поднял голову, пожевал и снова уткнулся в траву.
— Как его зовут?
— Цок.
Всеслав не выдержал и рассмеялся.
— Цок? Что это ещё за имя для коня?
— Он не просто конь.
— Конечно. Я так и понял. Наверное, по ночам летает.
— Не угадал.
— Разговаривает?
— Когда надо.
— И что говорит?
— Обычно что люди глупы.
Князь покачал головой.
— Хороший у тебя конь.
— Я ему передам.
Всеслав тронул поводья.
— Едем.

И, разумеется, не стал ждать ни меня, ни собственных людей. Я снова навьючил Цока и пошёл следом. Чем дальше шла дорога, тем гуще становился лес. Постепенно исчезло пение птиц. Воздух будто стал тяжелее, а тишина — нехорошей. Из всей дружины этого, кажется, не заметил никто. Кроме меня и Цока. Мерин всё чаще встряхивал головой и недовольно фыркал.

— Тихо, — сказал я ему. — Знаю. Мне тоже не нравится. Но уже близко.

Вскоре лес расступился. Перед нами лежало урочище. Склон был почти голым, усеянным серым камнем. Из земли торчали большие валуны и столбы тёмной породы, некоторые выше двух человеческих ростов. Ветер, вода и время придали им такие формы, что издали они казались согбенными людьми. Оттого и ходили рассказы, будто это вовсе не камни. У подножия склона, ближе к ручью, между деревьями стояла маленькая каменная изба. Низкая, с крошечными окнами и деревянной крышей, потемневшей от времени. Казалось, она стояла здесь раньше леса. Люди говорили, что вещунья Гостята, жившая в ней, тоже была старше, чем могла быть любая человеческая жизнь. Разумеется, люди много чего говорят. Но мало кто решался это проверить. За совет она не брала ни серебра, ни мехов. Плату назначала иначе: когда-нибудь просила об услуге. И отказать было нельзя. Отсюда, собственно, и пошли рассказы про камни на склоне. Будто каждый такой столб когда-то был человеком, который полу-

чил ответ, но платить отказался. Сам я в это не верил. Вернее, очень хотел не верить. Чуть ниже избы была поляна. Там уже разбивали стан люди воеводы. Между деревьями натянули верёвки для коней, разгружали вьюки, ставили шатры. Людслав увидел Всеслава первым и вышел ему навстречу. Князь спешился. Поздоровались они тепло, как люди, давно друг друга знавшие. Потом воевода посмотрел куда-то за его плечо, увидел меня, медленно идущего с Цоком, и тут же помрачнел.

— Гавриил! Когда ты наконец пересядешь на нормального коня? Сколько можно таскаться пешком?

— Когда нормальный конь пятьдесят раз спасёт мне жизнь.

Воевода тяжело вздохнул. Он знал, что спор окончен.

— Идёмте под дерево. Пока она нас не зовёт, поговорим.

Мы отошли под старый бук, подальше от дружинников. Людслав был уже сед, но годы его не согнули. Крупный, сильный, с тяжёлым взглядом человека, которому слишком часто приходится решать, кого послать в дорогу, кого оставить стеречь город, у кого взять людей, а кому объяснить, почему людей больше нет. Он говорил мало. Именно поэтому его слушали. Мы уселись на траве и какое-то время молча смотрели, как ставят стан. Предстояло провести здесь ночь.

— Как княгиня? — спросил наконец Людслав. — Как дети?

— Здоровы, — ответил Всеслав. — Старшие уже считают себя взрослыми. Особенно когда меня рядом нет.

— Значит, всё как положено.

Князь улыбнулся. Людслав спросил ещё о домашних, о Полоцке, о нескольких людях из дружины. Разговор нарочно шёл о простых вещах. Никому из нас не хотелось первым переходить к тому, ради чего мы собрались. Наконец Всеслав сказал:

— Я удивился, когда получил твоё послание.

Он вынул из-за пазухи небольшой свёрнутый лист. На восковой печати был знак, которого большинство людей никогда в жизни не видело: три короткие зарубки, перечёркнутые одной чертой. Знак Старого Ряда.

— Ещё больше я удивился тому, кто его привёз, — продолжил князь. — Я много лет знаю этого человека и понятия не имел, что он имеет к вам отношение.

— Так и должно быть, — сказал воевода.

Всеслав посмотрел на печать.

— О Старом Ряде я слышал с детства. Только думал, половина рассказов — сказки.

— А вторая половина? — спросил я.

— Что это люди, которые стерегут такие места, куда нормальный человек не полезет.

— Уже ближе.

Всеслав убрал письмо.

— Было там и другое.

Мы с воеводой переглянулись. Князь заметил.

— Значит, знаете.

Он полез за ворот и вынул небольшой кожаный мешочек на шнурке. Я сразу понял, что в нём.

— Мать хранила это с моего рождения, — сказал Всеслав. — Потом отдала мне. То самое язвено.

Сжал мешочек в пальцах.

— Она рассказывала, что при моём рождении приходили волхвы. Велели сохранить его и носить при себе. Всю жизнь я считал это старушечьей страшилкой. А в письме сказано, что дело не только в волхвах.

Он поднял глаза.

— Там написано, что Ряд знает обо мне с рождения.

Людьслав ничего не ответил. Всеслав перевёл взгляд на меня.

— Ну?

— Знал.

— И молчал?

— Молчал.

— Почему?

— Потому что твоё имя нельзя было произносить там, где его могли услышать не только люди.

Князь нахмурился.

— Говори понятнее.

Я вздохнул.

— Существует старое пророчество. Насколько старое — никто толком не знает. В нём говорится о человеке, который сможет остановить то, что однажды попытается перейти из нижнего мира сюда. Ряд много лет подозревал, что речь идёт о тебе.

— Подозревал?

— Мы не знаем всего.

— Удобно.

— Пророчества вообще редко отличаются удобством.

— И теперь моё имя стало известно тем, от кого вы его скрывали?

— Да.

Всеслав несколько мгновений смотрел на меня.

— Значит, меня хотят убить.

— Да.

— Хорошо.

Воевода удивлённо повернулся к нему.

— Что хорошего?

— Наконец ты сказал что-то понятное.

Он снова спрятал мешочек.

— Моя семья?

— За ней смотрят, — сказал Людьслав. — В Полоцке усилена охрана, хотя людям объяснили другое. Пока тебе лучше не знать всех подробностей.

— Не люблю, когда за меня решают, что мне лучше знать.

— Привыкай, — сказал я.

Он посмотрел на меня нехорошо.

— Вот это мне в тебе уже не нравится.

— Уверяю, дальше будет хуже.

Несколько мгновений мы молчали. Потом Всеслав оглянулся на лес.

— Ты сказал: «услышать не только люди». Нас здесь кто-то слушает?

— Может быть.

Князь сразу положил ладонь на рукоять меча.

— Кто?

— Не знаю.

— Очень полезный ответ.

— Лес знает, что ты приехал.

Всеслав медленно посмотрел вокруг.

— Лес?

— Считаю пока, что это образ речи.

— А потом?

— Потом перестанешь так считать. Старый Ряд был старше наших нынешних княжеских распрей и старше многих государств, существовавших вокруг Руси. Сам Ряд рассказывал о своём происхождении по-разному. По одному из его преданий, ещё в землях Ромейской державы жил воин-христианин Георгий, посвятивший себя защите людей от того, что выползало из тьмы во времена войн и смут. Был ли тот Георгий тем самым святым мучеником, которого чтит Церковь, или поздние Хранители соединили две разные истории, я не знаю. И теперь не знаю. Но имя Георгия Ряд чтит. Говорили, что вокруг первых таких воинов собрались другие люди — христиане и те, кто только принимал новую веру, — знавшие о старых местах, переходах и существах, которые люди позднее начали считать сказками. Из них и вырос Ряд. Он никогда не был церковным орденом. В Риме о нём знали некоторые. В Царьграде тоже. Отдельные епископы помогали ему, другие считали подобные рассказы суеверием, третьи предпочитали ничего не спрашивать, пока кто-нибудь другой разбирался с тем, чего, по их убеждению, существовать не должно. Ряд же не спорил. Он просто делал своё дело. Наивысших из посвящённых мы называли Хранителями. Не потому, что они были сильнее прочих или могли приказывать людям. Сила Хранителя была в знании. Он должен был понимать, где проходит граница, кто способен её перейти, с кем можно говорить, от кого следует бежать, а кого нельзя выпускать к людям ни при каких обстоятельствах.

— И ты Хранитель? — спросил Всеслав, выслушав меня.

— Да.

— Людслав тоже?

— Нет, — ответил тот сам. — Я знающий, но не Хранитель.

— А тот человек, что принёс письмо?

Я усмехнулся.

— Он знает больше тебя.

— Очень смешно.

— Я и не шутил.

Всеслав снова посмотрел на знак печати.

— Значит, отец тоже знал?

На этот вопрос я ответил не сразу.

— Знал достаточно.

Князь сжал челюсти.

— И умер, ничего мне не сказав.

— Потому и не сказал, что хотел оставить тебя в живых.

Всеслав отвернулся. Это задело его сильнее, чем он хотел показать.

— В письме упомянута какая-то Книга Жребия, — произнёс он наконец. — И время, когда всё должно начаться. Что это?

— О Книге рассказывают разное. Одни говорят, будто в ней записываются судьбы людей. Другие — что никакой книги вовсе нет и это только название для знания, которое нельзя передать обычными словами. Третьи уверяют, что она существует в нижнем мире.

— А ты?

— Я её не видел.

— Значит, не знаешь.

— Именно.

— Наконец-то ещё один честный ответ.

Людслав усмехнулся. Всеслав продолжил:

— В письме сказано, что при моём рождении мою судьбу уже знали.

— Так говорит пророчество.

— Кто знал?

— Вот это и хотим выяснить.

— И ради этого притащили меня к лесной старухе?

— Именно.

Он помолчал.

— Хорошо. Допустим, я поверю вам хотя бы наполовину. Почему всё начинается сейчас?

На этот раз ответил воевода:

— Потому что всё начинает двигаться одновременно. На севере беспокойно. С Ярославичами отношения хуже с каждым месяцем. Новгородская земля смотрит на Полоцк не так, как прежде. Каждый князь считает людей, дружины и серебро.

Я добавил:

— А те, кто живёт по другую сторону границы, считают человеческие ссоры.

Всеслав резко посмотрел на меня.

— Хочешь сказать, Ярославичи с ними заодно?

— Нет.

— Новгород?

— Нет.

— Тогда при чём здесь людская война?

— При том, что человек, занятый войной с человеком, хуже замечает, что идёт у него за спиной.

Всеслав немного подумал и кивнул. Вот это объяснение ему понравилось больше.

— Я православный человек, Гавриил. Во всё остальное мне пока верится плохо.

— И хорошо.

— Хорошо?

— Человек, который верит первому же рассказу о нечисти, долго не живёт.

Людьслав засмеялся.

— Дай ему время, князь. Увидишь достаточно — сам перестанешь спорить.

— А тогда стану Хранителем?

— Нет, — сказал я. — Тогда только поймёшь, сколько всего не знаешь.

Князь хотел ответить, но к нам подошёл дружинник.

— Воевода. Она зовёт.

Мы трое переглянулись и поднялись. Всеслав остановился первым.

— Всё-таки не уверен, что это разумно.

— Поздно, — сказал я.

— В каждой волости есть баба, которая гадает по костям, узлам, воде, дыму и чему угодно ещё. Если князья начнут решать войны по бабьему гаданию, Русь быстро останется без князей.

— Мы пришли не решать войну, — сказал воевода Людьслав.

— А зачем?

— Услышать то, чего не знаем.

— От старухи?

— От неё.

Всеслав покачал головой.

— Ты бы лучше дружину собирал.

— Собираю. Поэтому и ты здесь.

Я посмотрел на князя.

— От того, что она скажет, может зависеть прежде всего твоя жизнь.

— Моя?

— Ты находишься в середине этого пророчества. Ради тебя мы сюда и пришли.

Всеслав сразу оживился.

— Тогда чего стоим? Нехорошо заставлять вещунью ждать. Ещё обидится.

И первым пошёл через ручей. Мы двинулись следом. Люди провожали нас взглядами. Никто не завидовал. У самой двери Всеслав всё-таки остановился. Воевода Людслав тоже. Каждый сомневался по своей причине. Людслав, наверное, спрашивал себя, правильно ли вообще было приводить сюда князя. Всеслав ещё не решил, не развернуться ли ему обратно. А я боялся услышать одно-единственное слово. Преисподняя. То место, откуда двадцать лет назад я выбрался живым. То место, о котором даже самому себе старался не напоминать. Воевода Людслав уже поднял руку к двери, когда изнутри донёсся старческий женский голос:

— *Родится князь со знаком вещим,*

И с ним надежда в мир придёт.

Пока не встанет Первый Стяг,

На крепких ногах зло живёт..

Мы переглянулись. У меня волосы поднялись на затылке. И тут из избы донеслось:

— Входите, дети. Чего под дверью мнётесь?

Воевода толкнул дверь и пригнулся. Следом вошли Всеслав и я. Первым я почувствовал холод. Не сырой, неприятный, как в большинстве старых изб, а свежий — почти как возле родника. Потом пришёл запах трав. Их были сотни связок. Они висели под крышей, на жердях, возле стен: знакомые и такие, каких я прежде не видел. Все запахи смешивались, но почему-то не мешали друг другу. Мы трое задрали головы.

— Да, да, — сказал тот же голос. — На травы все сначала смотрят. Будто ко мне ради них пришли.

Мы одновременно опустили глаза. Старуха стояла совсем близко. Всеслав заметно отшатнулся и едва не схватился за меч. Она увидела это и улыбнулась. Наверное, давно привыкла. Была она очень стара. Длинные седые волосы почти касались каменного пола. Лицо избородили морщины, спина согнулась, и без посоха она, казалось, не смогла бы сделать ни шага. Серая льняная одежда висела на ней свободно. Но глаза... Глаза у неё были молодые. Зелёные, ясные, живые. Стоило посмотреть в них, и тревога вдруг отступала. Я сразу почувствовал то, чего Всеслав ещё чувствовать не умел. Силу. Не злую. Но и не человеческую в обычном смысле. Тогда я окончательно понял, что это место действительно находится слишком близко к границе. Воевода Людслав ощутил что-то своё.

Он первым опустился на колено. Старуха подошла и положила ладонь ему на седую голову.

— Встань. Добро пожаловать.

Всеслав изумлённо посмотрел на воеводу. Если уж тот преклонил колено, решил князь, значит, знает причину. И тоже, несколько неловко, опустился.

— Встань и ты, Всеслав Брячиславич. Добро пожаловать.

Она коснулась его волос. Потом настала моя очередь. Я склонил голову и начал опускаться, но маленькая рука легла мне на плечо.

— Ты не кланяйся никому, кроме своего Бога, Гавриил.

Я застыл.

— Твои глаза видели то, чего человеку видеть не положено. Твоё тело было там, куда живые не ходят. Многие пытались спуститься. Ты один из немногих вернулся.

В горле у меня стало сухо.

— Под одеждой ты прядешь следы, — продолжала она. — Но не все следы бывают на коже. Другие сидят глубже.

Я не мог поднять на неё глаз.

— Вижу, за кого держится твоё сердце. Не бойся. Твоего Христа я у тебя не отнимаю.

Что-то сжало мне горло. Двадцать лет никто не говорил со мной так. Будто она видела всё то, что возвращалось ко мне всякий раз, когда я закрывал глаза.

— Была бы я помоложе, — сказала она вдруг, — может, сама тебе поклонилась бы.

Я всё-таки опустился на колено.

— Тогда я поклонюсь твоей мудрости.

Она тихо усмехнулась.

— Вот и договорились. Вставай.

Старуха уселась на маленький деревянный трёхногий табурет возле плоского камня, служившего столом. На нём стояли деревянные чаши, лежали травы, кусочки воска и несколько почти догоревших свечей. Порядка я там не видел никакого. Она, очевидно, видела. Мы стояли напротив. Всеслав время от времени косился на меня, будто пытался разглядеть сквозь рясу те самые следы, о которых говорила старуха.

— Вовремя пришли, — сказала она наконец. — Очень вовремя.

Голос её изменился. Стал спокойнее и суше.

— Люди опять готовятся проливать человеческую кровь. Князья считают дружины, города вспоминают старые обиды, каждый уверен, что правда на его стороне. Полоцк, Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород — все смотрят друг на друга и думают, кто первым протянет руку к чужому.

Людслав нахмурился. Всеслав промолчал.

— Но вы пришли ко мне не ради человеческой ушибы, — продолжила она. — Вы чувствуете другое. Старое пророчество начало двигаться.

Она посмотрела на Всеслава.

— Твоё рождение было одной его частью.

Князь нахмурился ещё сильнее.

— Нижний мир давно ждёт времени, когда люди сами станут достаточно заняты друг другом. Ему не нужны Ярославичи. Не нужен Новгород. Не нужен Полоцк. И не думайте обвинять человеческих врагов в том, чего они не делали.

Она постучала пальцем по каменному столу.

— Они молятся тому же Христу, что и вы. Люди отлично умеют начинать войны без помощи бесов.

Мне понравилось, как она это сказала. Всеславу, кажется, тоже.

— Но когда князь идёт на князя, — продолжила вещунья Гостята, — границы становятся слабее. Дороги пустеют. Сёла горят. Люди уходят из домов. Мёртвых становится больше. Страх становится сильнее. А некоторые двери открываются легче.

Она подняла голову.

— Старые рассказы говорят, что когда-то таких дверей было много. Потом пришла великая вода, и мир изменился. Люди помнят о том потопе одно, старые существа — другое, Церковь учит третьему. Мне всё равно, кто из них прав.

Она посмотрела на нас по очереди.

— Мне важно, что двери снова ищут.

В избе стало очень тихо.

— Есть места, где граница тоньше обычного. Ряд зовёт их Узлами. Один из больших Узлов находится ближе к вашим землям, чем вам хотелось бы.

Мне стало холодно. Я уже понял, о каком месте она говорит.

— И тот, кто ждёт внизу, тоже знает о нём.

Всеслав спросил:

— Кто?

Старуха улыбнулась.

— Рано.

Князь раздражённо выдохнул.

Она словно не заметила.

— Не думайте также, что всё решится одной битвой. Люди очень любят верить, будто достаточно победить врага в поле, и мир снова станет прежним.

Покачала головой.

— Прежнего мира уже нет.

Потом снова посмотрела на Всеслава.

— Но есть человек, через которого одна из дорог ещё может закрыться.

— Я? — спросил князь.

— Ты.

— Почему?

— Потому что так записан твой жребий.

— Кем?

— Вот это тебе самому и предстоит узнать.

Она протянула руку к стене и сняла прислонённое к камню широкое медное блюдо.

— Теперь посмотрим, что дорога собирается сделать с вами.

Встала и протянула блюдо воеводе.

— Плюнь.

Он уставился на неё.

— Что?

— Плюнь на край.

Потом она поднесла блюдо Всеславу.

— И ты.

Князь посмотрел на меня.

— Гавриил, я правильно понял?

— Боюсь, что да.

— Хорошо, что я князь.

— Почему?

— Есть кому потом рассказывать, как я плюю в посуду у лесной бабы.

Старуха рассмеялась первой. Всеслав плюнул. Я сделал то же. Вещунья Гостиата снова уселась и длинным ногтем стала медленно размазывать влагу по меди, тихо произнося слова на языке, которого я не узнал. Мы смотрели молча. Вдруг она застыла.

— Вода...

Подняла блюдо ближе к глазам.

— Вода поднимет ваши имена высоко. Выше, чем вы хотите.

Лицо её стало тревожным.

— Но странная это слава.

Она провела пальцем по меди.

— Вижу реку. Вижу берег. Вижу людей, а потом не вижу их. Вижу знамя, которое ещё стоит, когда вокруг уже некому радоваться победе.

Воевода шагнул ближе.

— Что за река?

— Не знаю.

Она нахмурилась.

— Воды почти не видно. Слишком много крови.

Мне стало нехорошо. Старуха продолжала всматриваться в медь.

— Земля запомнит этот день лучше людей. Люди будут спорить, кто был прав, кто победил, кто виноват. А земля спорить не станет.

Она опустила блюдо. Несколько мгновений молчала. Потом указала на Всеслава.

— В Книге Жребия сказано, что ты должен остановить прорыв.

Князь моргнул.

— Как?

— Прочитай Книгу.

— Которой, по словам Гавриила, может вообще не существовать?

— Может.

Всеслав повернулся ко мне.

— Прекрасно.

Я развёл руками.

— Я тебя предупреждал.

— Где её искать? — снова спросил он старуху.

— Если скажу, ты всё равно не поймёшь.

— Попробуй.

— Нет.

— Почему?

— Потому что пророчество должен прочитать ты сам. Услышанное от меня будет лишь моим толкованием.

Всеслав сжал губы.

— Я воин. Князь. Я умею людей вести, землю держать, дружину собирать. Но я не собираюсь становиться гадателем.

— И не надо.

Она посмотрела прямо ему в глаза.

— Но тебе придётся научиться видеть то, чего ты до сих пор не замечал.

Князь помолчал.

— В твоих словах было ещё что-то о Змее.

— Было.

— Что именно должно вспыхнуть?

— Не знаю.

— Ты не знаешь?

— Наконец тебе встретился человек, который тебя этим радует?

Я невольно усмехнулся. Всеслав бросил на меня сердитый взгляд. Вещунья Гостята продолжала:

— Старые слова называют это Первым Стягом. Что это — оружие, знак, вещь или нечто совсем другое, — тебе пока знать не нужно.

— А кому нужно?

— Тому, кто проведёт тебя к следующему ответу.

— Кто это?

— Найдёшь.

— Где?

— Гавриил знает, к кому идти.

Все посмотрели на меня. Спасибо тебе, старая женщина. Воевода Людслав шагнул вперёд.

— Нас ждёт человеческая война. Если одновременно откроется Узел, чем нам защищаться? Кто эти существа? Сколько их?

— Ищите союзников.

— Каких?

Она посмотрела на меня.

— Гавриил знает людей и нелюдей, хотя сам порой хотел бы забыть и тех и других.

Потом заговорила только со мной:

— Веди его.

Кивнула на Всеслава.

— Он пока смотрит на лес и видит только деревья. Ты знаешь дороги, которых нет на княжеских картах. Знают их и другие.

Я молчал.

— Береги себя, Гавриил. Без тебя он пока дитя.

Всеслав возмутился:

— Я здесь стою.

— Вижу.

— И всё слышу.

— На то и рассчитываю.

Она снова повернулась ко мне.

— Записывай всё, что будет происходить. Заканчивается одно время и начинается другое. След должен остаться.

— Зачем?

— Потому что после вас люди начнут рассказывать эту историю по-своему.

Эти слова я запомнил.

— Записывай не только князей, — продолжала она. — Пиши о малых людях тоже. О тех, чьих имён летописец не сочтёт достойными строки. Пиши о людях и о тех, кого людьми не называют. И не превращай каждую страницу в похвалу своему Богу. Ему твоя похвала не нужна.

Я нахмурился. Она подняла палец.

— Не спорь. Пиши о тех, кто идёт к Нему. И о тех, кто идёт не к Нему. Иначе потом никто уже не разберёт, кому какая душа принадлежала.

Потом она посмотрела на воеводу.

— Когда-нибудь я попрошу каждого из вас об одной услуге.

Всеслав сразу насторожился.

— Вот и плата.

— А ты думал, князь, я кормлюсь одним воздухом?

— Серебро было бы проще.

— Поэтому я и не беру серебра.

— И когда попросишь?

— Приду во сне.

Всеслав покосился на меня.

— К нему лучше не ходи. Он говорит, что не спит.

— Найду способ.

Воевода Людслав опустил на одно колено.

— Что бы ни попросила, если это будет в наших силах, сделаем.

— Знаю.

Старуха поднялась.

— Теперь идите. Помните: прежде всего вы отвечаете за людей, а не за свои тайные знаки и красивые слова о судьбе.

Посмотрела на Всеслава.

— Ты — за свою землю.

На воеводу:

— Ты — за тех, кого ведёшь.

На меня:

— А ты — за границу.

Она вздохнула.

— Скоро каждому хватит работы.

Мы поклонились и вышли. Прямо перед дверью сквозь ветви пробился солнечный луч. После полутёмной избы воздух казался особенно свежим. Всеслав глубоко вдохнул.

— Всё-таки снаружи лучше.

— Пойдём обратно под бук, — сказал воевода.

И мы молча спустились к ручью. Люди в стане провожали нас глазами. Каждый пытался угадать по нашим лицам, что мы слышали. Наверное, надеялись, что старуха дала нам какой-нибудь простой совет: идти туда-то, поставить столько-то людей, принести такую-то жертву, прочитать такую-то молитву — и всё закончится хорошо. Люди любят простые советы. Особенно когда беда сложная. Мы снова сели под тем же буком. Некоторое время никто не говорил. Всеслав первым начал снимать верхнюю часть дорожного доспеха. Положил рядом, отстегнул меч, сел удобнее.

— Я ничего не понял.

— Это хорошее начало, — сказал я.

— Не издевайся.

— Даже не начинал.

Князь посмотрел на воеводу.

— Что она там говорила у двери?

Я повторил:

— *Родится князь со знаком вещим,*

И с ним надежда в мир придёт.

Пока не встанет Первый Стяг,

На крепких ногах зло живёт..

Всеслав машинально коснулся мешочка под рубахой.

— Значит, про язвено.

— Похоже.

— И что именно в нём вещего?

— Ты спрашиваешь человека, который сорок с лишним лет пытается понять, почему люди видят знамение в любой необычной вещи.

— Удобно тебе жить.

— Не особенно.

Воеводский слуга принёс кувшин с мёдом и деревянные чаши. Всеслав сразу потянулся за своей. Я посмотрел на него.

— Даже не начинай.

— Что?

— Ничего. Пей.

Он выпил и вытер рот.

— Вот теперь можно думать.

Людслав обратился ко мне:

— Старуха сказала, что ты знаешь, куда вести князя.

— Знаю, кто может знать следующий шаг.

Всеслав оживился.

— Кто?

Я открыл рот. Закрыл. Он пока действительно не был готов.

— Одна женщина.

Князь медленно поставил чашу.

— Только не говори, что опять старая.

— Не старая.

— Уже лучше.

— Возможно, вообще не человек.

Всеслав вздохнул.

— Я зря обрадовался.

Воевода рассмеялся.

— И что она знает? — спросил князь.

— Может знать о Книге Жребия. Может знать, что вещунья Гостята назвала Первым Стягом.

— «Может». У тебя всё «может».

— В нашем деле человек, который говорит «знаю» слишком часто, обычно умирает первым.

Всеслав выпил ещё.

— А нельзя вместо всех этих лесных женщин просто собрать дружину?

— Можно.

— Вот. Уже разумный разговор.

— Собери.

— И?

— Когда встретишь первое существо, которому твой меч ничего не сделает, дружина сильно тебе поможет. Будет кому вместе с тобой удивляться.

Людъслав прыснул в чашу. Всеслав посмотрел на него.

— Весело тебе?

— Очень.

— Я запомню.

Князь снова повернулся ко мне.

— Ладно. Допустим. Что за Первый Стяг?

— Не знаю.

— Гавриил...

— Правда не знаю. В старых записях оно описано противоречиво. Где-то говорится об оружии. Где-то о знаке. Где-то вообще о том, что человек должен обрести некую силу.

— Значит, вещь может оказаться вовсе не вещью?

— Именно.

— А я уже надеялся на хороший меч.

— У тебя и этот пока неплох.

Он посмотрел на свой клинок.

— «Пока»?

— Для людей.

Всеслав закатил глаза.

— Ты умеешь испортить человеку любое хорошее настроение.

— Двадцать лет упражняюсь.

Воевода посерьёзней.

— А Узел?

Я немного помолчал.

— Узлом мы называем место, где сходятся несколько переходов. Не дороги под землёй в обычном смысле. Хотя иногда они выглядят именно так. Скорее места, где граница между нашим миром и нижним становится слишком тонкой.

— Их много? — спросил Всеслав.

— Больших — мало. Так, во всяком случае, считал Ряд.

— А тот, о котором говорила старуха?

Я не хотел произносить даже приблизительного места. Но пришлось.

— На севере. В стороне старых волоков, дальше Усвята. Среди лесов и озёр есть места, куда местные без нужды не ходят.

Воевода Людслав посмотрел на меня.

Он знал.

— Ты был там?

— Был рядом.

— Когда?

— Двадцать лет назад.

Всеслав перестал улыбаться.

— До того, как оказался в нижнем мире?

— Незадолго.

— Значит, эти вещи связаны?

— Возможно.

Снова это слово. На этот раз князь не стал ругаться.

— Даже охотники обходят некоторые тамошние места, — сказал воевода Людслав. —

Мне рассказывали.

— Правильно делают.

— Но люди там живут.

— Живут.

— Крепкие?

Я понял, к чему он клонит.

— Ты уже считаешь, сколько из них можно поставить в строй?

— А что мне ещё делать? Старуха сама сказала искать союзников.

— Они охотники, лодочники, люди леса. В своих местах полезнее многих дружинников.

Но я бы не стал обещать, что они побегут воевать только потому, что полоцкий воевода Людслав попросил.

— Значит, надо говорить со старейшинами.

— Говори.

Всеслав слушал нас, нахмурившись.

— Подождите. Вы сейчас о людях?

— О людях, — ответил я.

— А она говорила и о нелюдях.

— Верно.

— Значит, нужны ещё и другие союзники?

— Теперь начинаешь понимать.

Он допил чашу.

— Лучше бы не начинал.

Воевода Людслав задумчиво провёл ладонью по бороде.

— Старуха сказала: ищите тех, кто может помочь. Людей я беру на себя.

— А мне, значит, остаются остальные?

— Как обычно.

— Очень справедливо.

— Потому тебя все и любят, Гавриил.

— Особенно церковные люди.

Всеслав спросил:

— А что за женщина, к которой мы идём?

— Потом.

— Почему не сейчас?

— Потому что мне хочется ещё немного посидеть спокойно.

— Я князь.

— Поздравляю.

— Я могу приказать.

— Можешь.

— И?

— А я могу не ответить.

Воевода Людслав уже открыто смеялся.

Всеслав посмотрел на него.

— И вы терпите этого человека двадцать лет?

— Иногда он бывает полезен.

— Редко, — сказал я.

— Но метко.

Всеслав покачал головой и потянулся к кувшину. Я отодвинул его.

— Хватит.

— Это почему?

— Потому что мне нужен князь, который может идти.

— Я прекрасно могу идти.

— Пока да.

— Что значит «пока»?

Воевода кашлянул, пряча улыбку. По дороге мне уже успели рассказать, что Всеслав любит добрый мёд, а после достаточного количества выпитого может внезапно решить, что беседа окончена и пора спать. Мне не хотелось проверять это в первый же день.

— Старуха ещё сказала про древнюю святыню, — вспомнил князь. — Ту, что снова вынесут в бой. О чём речь?

Мы с воеводой переглянулись.

— Есть одна вещь, — сказал я осторожно.

— Меч?

— Возможно.

— Опять.

— На этот раз точно меч. И щит.

— Где?

— В старом святилище, которое Ряд давно держит под присмотром.

— Чей меч?

— Вот этого никто уже надёжно не знает.

Всеслав удивился.

— Как можно хранить вещь столько лет и не знать, чья она?

— Очень просто. Нужно, чтобы каждый новый хранитель рассказывал историю немного иначе.

Воевода Людслав кивнул.

— Одни связывают его с громовником. Другие говорят, что меч старше тех имён, которыми его потом называли.

— Перун?

— Может быть, — сказал я. — Но я бы не спешил.

— Почему?

— Потому что люди любят давать старым вещам известные имена. Если древний меч считали воинским, через сто лет обязательно найдётся человек, который скажет: «Значит, Перунов».

Князь подумал.

— Разумно.

— Запомни этот день. Ты впервые согласился со мной.

— Не привыкни.

Я продолжил:

— Говорят, когда-то этот меч выносили только перед большой войной. Потом земли крестились, святилище забросили, а оружие осталось.

— И никто его не забрал?

— Пытались.

— И?

— Не забрали.

— Почему?

— Одни не смогли. Другие испугались. Третьих остановили.

— Кто?

— Такие любопытные, как ты, очень утомляют.

Всеслав рассмеялся.

— Сам виноват. Рассказал про тайный Ряд, пророчество, нижний мир и древний меч, а теперь удивляешься вопросам.

Тут он был прав.

— Старые обычаи вообще живучи, — сказал воевода Людслав. — После крещения прошло немало лет, а в некоторых волостях люди всё равно держатся за то, чему научились от дедов.

— Священники оттого и ругаются, — сказал Всеслав.

— И будут ещё долго, — ответил я. — Старое редко исчезает в один день.

— А что именно мне даст этот Стяг?

— Если это оружие — узнаем.

— А если нет?

— Тогда будешь очень разочарован.

Он ухмыльнулся.

— Всё же меч был бы удобнее.

Помолчал и спросил:

— И что находится по ту сторону Узла?

Я посмотрел на него.

— Не задавай вопрос, если не хочешь услышать ответ.

— Хочу.

— Нижний мир.

— Твоя Преисподняя?

— Церковь назвала бы её так.

— А ты?

— Я стараюсь вообще не называть.

Всеслав посмотрел на меня уже без насмешки. Воевода Людслав тоже замолчал. Он знал, что двадцать лет назад я провёл там слишком много времени. Князь этого ещё не знал. Пока.

— Нам придётся туда идти? — спросил он.

— Надеюсь, что нет.

— «Надеюсь» мне нравится ещё меньше, чем «возможно».

— Мне тоже.

Воевода Людслав вытянул ноги.

— Значит, решено. Я возвращаюсь заниматься людьми. Соберу всё, что можно собрать, посмотрю, кто из северных старейшин готов говорить, укреплю дороги и велю внимательнее следить за волоками.

Потом кивнул на меня.

— А вы двое идёте за следующим ответом.

— «Вы двое»? — переспросил Всеслав.

— Да.

— А моя дружина?

Я ответил:

— Не нужна.

— Двадцать хороших воинов вдруг стали не нужны?

— Именно.

— Почему?

— Потому что чем больше людей ты поведёшь, тем раньше о нас узнают. Да и не по каждой дороге пройдёт дружина.

— А я, значит, пойду по лесам с монахом и его Цоком?

— Начинаешь понимать.

Он посмотрел на меня.

— А если я откажусь?

— Поедешь в Полоцк.

— И всё?

— Всё.

Он явно ожидал другого.

— Никто не будет меня удерживать?

— Нет.

— А пророчество?

— Найдёт кого-нибудь другого. Или не сбудется. Или сбудется так, что нам всем не понравится. Я не знаю.

Князь задумался. Воевода Людслав сказал:

— Твой отъезд уже подготовлен. Для остальных ты объезжаешь северные волости, смотришь людей, дороги и места, где можно собрать дружину. В нынешнее время это никого не удивит.

Всеслав посмотрел на него.

— Ты всё решил заранее.

— Подготовил возможность. Решать тебе.

— Кто останется в Полоцке?

— Княжеские дела без тебя не исчезнут. Люди знают, что делать. Если случится что-то серьёзное, тебя найдут.

— А семья?

— Под охраной.

Всеслав снова замолчал. Потом посмотрел на мешочек с язвеном, который ещё держал на груди под одеждой.

— Отец знал?

— Да, — сказал я.

— И всю жизнь молчал?

— Да.

— Значит, считал это важным.

— Видимо.

Князь медленно кивнул.

— Тогда пойду.

Я ожидал долгих сомнений. Ошибся.

— Так просто?

— Нет. Просто я уже решил.

— Ты всегда такой?

- Какой?
- Опасный для собственного наставника.
- А ты уже назначил себя наставником?
- Старуха назначила.
- Тогда жалуйся ей.
- Воевода Людслав улыбнулся.
- Вот теперь я спокоен.
- Зря, — сказал я.

Солнце понемногу клонилось к западу. Стан был почти готов. Слуги разводили огонь, кто-то рубил дрова, кто-то доставал еду. Вскоре по поляне поплыл запах печёного мяса и каши. Люди ожили. После дороги разговоры стали громче, послышался смех. Всеслав как раз соби-
рался сказать что-то ещё, но вдруг широко зевнул. Я посмотрел на его чашу. Пустая. На кув-
шин. Сильно опустел. Потом снова на князя. Он улёгся на траву, подложив руку под голову.

- Я только глаза закрою.
- Конечно, — сказал воевода Людслав.
- Через несколько мгновений князь уже спал. Я посмотрел на воеводу.
- Вот так?
- Почти всегда.
- Быстро.
- Поэтому я и не дал принести второй кувшин.

Мы сидели рядом со спящим князем.

— Старуха, наверное, имела в виду именно тех, к кому ты собираешься, — сказал воевода Людслав тише.

- Думаю, да.
- Они помогут?
- Не знаю.
- Ты же их знаешь.
- Именно поэтому не знаю.
- Что потребуют?
- Вот этого и боюсь.
- Воевода Людслав нахмурился.
- Люди проще.
- Не всегда.
- Но хотя бы понятно, чего хотят.
- Земли, серебра, власти, мести.
- Вот именно.
- Очень простой мир у тебя.
- Я воевода Людслав. Мне положено.

Мы оба посмотрели на Всеслава. Он спал как человек, которого несколько часов назад не объявили центральной фигурой древнего пророчества.

- Подготовишь его? — спросил воевода Людслав.
- Попробую.
- Не «попробую». Подготовь.
- Легко сказать.
- Ты Хранитель.
- Именно поэтому знаю, что это нелегко.

Воевода Людслав немного помолчал.

- Он сильный.
- Вижу.

— И храбрый.

— Это меня беспокоит ещё больше.

— Почему?

— Храбрый человек быстро понимает, что не боится меча. Потом ему начинает казаться, что он вообще ничего не боится.

Воевода Людслав усмехнулся.

— Всеславу полезно встретить что-нибудь, на что нельзя кричать княжеским голосом.

— Вот это я ему обеспечу.

Слуги продолжали готовить ужин. Я поднялся и пошёл к Цоку. Снял с него остаток поклажи, отвёл немного в сторону от общего шума и выбрал себе место возле дерева. Расстелил на траве поняву и лёг. Мысли сразу ушли далеко вперёд. Надо было продумать дорогу. Больших путей лучше избегать. В города без нужды не заходить. В селениях останавливаться только ради еды и известий. Двигаться днём. С наступлением темноты искать место для ночлега. Ночь принадлежала не только людям. Особенно в тех местах, куда мы собирались. Главной проблемой оставался Всеслав. Не сам князь. Его привычки. Его дружина. Его уверенность, что хороший меч решает большинство затруднений. Ему предстояло очень быстро узнать, насколько это неверно. До первой нашей цели обычного оружия хватит. Дальше — не знаю. Та женщина, к которой я собирался его вести, могла подсказать, где искать следующий след Книги Жребия и что скрывается за словами о Стяге. А потом придётся идти к Узлу. Вот этого я не хотел больше всего. Я двадцать лет говорил себе, что никогда не вернусь туда, где однажды оборвалась моя прежняя жизнь. Теперь казалось, что дорога сама разворачивается обратно. Словно все эти годы я не уходил от того места, а ходил вокруг него кругами. В стане разгорелись костры. Запах еды усилился. Люди заговорили громче. Проснулся Всеслав. Сначала сел и несколько мгновений смотрел так, будто совершенно не понимал, где находится. Потом услышал шум, увидел большой шатёр и сразу поднялся. Через минуту уже шёл туда. Стоило ему показаться у входа, дружинники встретили князя одобрительными возгласами. Всеслав раскинул руки, будто собирался обнять весь шатёр, и исчез внутри. Я улыбнулся. Цок подошёл ближе. Он всегда устраивался на ночь возле меня. Мы были вместе почти двадцать лет, и возраст уже выдавал его: шерсть вокруг морды поседела, движения стали медленнее. Сколько ему было на самом деле, я не знал. Я нашёл его там, где вообще не ожидал встретить лошадь. Под землёй. Вернее, не совсем под землёй. Тогда я ещё не понимал разницы. Цок впервые спас мне жизнь в один из последних дней моего пребывания в нижнем мире. Он вывел меня к дороге наверх после сорока дней, которые до сих пор иногда кажутся мне длиннее всей остальной жизни. С того времени мы почти не расставались.

— Мог бы и к людям присоединиться, — раздался голос воеводы.

Он подошёл бесшумно.

— Иди поешь.

— Не люблю большие сборища.

— Знаю.

— Вы отдыхайте. А мне и здесь хорошо.

— С конём.

— Он редко спорит.

— Потому что умнее тебя.

— Возможно.

В этот момент из шатра появился Всеслав. Шёл он уже гораздо веселее, чем прежде. В руке держал чашу. Услышал последние слова.

— Вот он, великий Хранитель! Людям предпочитает своего Цока!

— Цок лучше воспитан.

— Иди к нам. Благословишь стол.

— Я и отсюда могу.
— Так никто не благословляет!
— Сегодня увидишь впервые.
Всеслав подошёл ближе.
— Тогда хотя бы ночуй в шатре.
Воевода Людслав засмеялся.
— Оставь его. Гавриил в шатрах давно не спит.
— Почему?
— Потому что вообще не спит.
Всеслав остановился.
— Что значит «не спит»?
— То и значит.
Он посмотрел на меня.
— Сколько?
— Двадцать лет.
— Двадцать...
— Да.
— Ни одной ночи?
— Ни одной.
Князь несколько мгновений молчал.
— Ты каждый раз становишься хуже.
— Спасибо.
— То тебя старуха знает, то ты Хранитель, то из нижнего мира вернулся, теперь выясняется, что ты двадцать лет не спишь. Что ещё?
Я улыбнулся.
— Не могу рассказать всё сразу. Испугаешься.
Всеслав ткнул в меня пальцем.
— А вот теперь я тебе верю. Лучше молчи.
Развернулся и пошёл обратно. Воевода Людслав проводил его взглядом.
— Кажется, вы поладите.
— Боюсь того же.
Когда князь ушёл, воевода Людслав сел рядом.
— Скажи серьёзно. Те союзники на севере пойдут с нами?
— Люди?
— Для начала люди.
— Если увидят выгоду или угрозу для собственных земель — скорее всего.
Воевода Людслав повеселел.
— Но, — добавил я.
Он тут же помрачнел.
— Ненавижу твоё «но».
— Они попросят что-нибудь взамен.
— Разумеется.
— И мы пока не знаем что.
— Ты всегда так делаешь.
— Как?
— Сначала даёшь человеку надежду, потом сразу находишь причину её испортить.
Я посмотрел на него.
— Ты хотя бы иногда стоишь на ногах.
— Что?

— А я уже двадцать лет на коленях.

Он перестал улыбаться.

— Не начинай, Гавриил.

— Я и не начинал.

— Ты нам нужен.

— Знаю.

— Нет. Послушай. Ты должен подготовить князя. Довести его до тех, кто знает больше нас. Научить всему, чему можешь. Потом хоть уходи в затвор и до конца жизни разговаривай со своим Цоком.

— Очень великодушно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он понизил голос.

— Если пророчество действительно о Всеславе, другого у нас не будет.

Я посмотрел туда, где исчез князь.

— Он справится.

— Уверен?

— Нет.

Воевода Людслав нахмурился.

— Но станет Хранителем?

— Не знаю, станет ли он тем Хранителем, какими были мы.

— А каким станет?

— Своим.

Несколько мгновений воевода Людслав молчал.

— Опять загадки.

— Научился у старух.

— Я позову её. Пусть заберёт тебя к себе.

— Поздно.

Воевода Людслав улыбнулся.

— Ты только сделай своё дело.

— Сделаю.

— Вот так мне больше нравится.

— А ты подготовься к человеческой войне.

Он тяжело выдохнул.

— Здесь хотя бы всё знакомо.

— Не обольщайся. Люди умеют удивлять хуже нелюдей.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Воевода Людслав поднялся.

— Отдыхай, старый друг.

— Я младше тебя.

— Выглядишь хуже.

— Уходи.

Он рассмеялся и направился обратно к людям. Мы с Цоком остались у огня. Я достал кусок сухого мяса и долго жевал его, пока челюсть не устала раньше, чем исчез голод. Спать я давно перестал пытаться. Лучшее, на что был способен, — лежать с закрытыми глазами. Но и это ненадолго. Стоило темноте под веками задержаться, как возвращались картины из нижнего мира. Поэтому отдых для меня выглядел просто: лечь, смотреть в темноту и стараться ни о чём не думать. Ночь в лесу всегда приходит раньше. Под деревьями быстро потемнело, зато

стан сделался ещё ярче. Зажгли новые костры и лучины. У большого шатра шумели, ели, пили, смеялись. Я больше не ждал ни Всеслава, ни воеводу. Пусть веселятся. Утром каждому из нас предстояло заняться своим. Через несколько часов разговоры стихли. Один за другим люди разошлись спать. Костры осели. Между деревьями остались только часовые. Я вспомнил старуху. «Записывай всё». Поднялся, достал из сумы писанку, чернила и гусиное перо. Устроился возле угасающего костра. Цок стоял рядом. Я положил лист на дощечку и начал записывать всё, что случилось за этот день. Пусть останется след. Пусть потом хотя бы один человек сможет прочесть и решить сам, что было правдой, что мы поняли неверно, а что стало сказкой уже после нас. «Чтобы знали, кому какая душа досталась», — вспомнил я слова старухи. И писал глубоко за полночь. Пока рука не устала. Тогда поставил точку и закончил сегодняшнюю запись словами: Продолжу завтра, если Бог даст.

Глава 3

Вторник, 13 июня 6574 года от сотворения мира

По Божьей воле наступил ещё один день. С первыми лучами солнца начал просыпаться лес. Между деревьями тянулся лёгкий туман, от травы пахло росой и свежей зеленью. Вот это время суток мы с Цоком любили больше всего. После долгой ночи утро всегда возвращало мне надежду и какую-то простую радость, даже когда особых причин радоваться не было. Достаточно уже того, что начинается новый день. Никогда птицы не кричат громче, чем на рассвете. Никогда воздух не бывает чище, а вода в ручье холоднее. Большинство людей подобных вещей почти не замечает. Я же слишком много времени провёл в лесах и горах и давно научился различать, как лес дышит, когда он спокоен, когда сердится, а когда боится. Стан тоже начал просыпаться. Часовые потягивались, хотя большую часть ночи, подозреваю, всё-таки продремали. В шатрах зашевелились люди. Первыми поднялись слуги, развели огонь и занялись завтраком. Если это можно было назвать завтраком. По большей части разогревали то, что осталось от вчерашнего ужина. Был вторник. Первый день новой дороги. Путь впереди предстоял долгий и неизвестный. От одной мысли о нём во мне попеременно поднимались то надежда, то страх. Странное сочетание. Одно будто звало идти быстрее, другое советовало повернуть обратно. Я чесал Цока у основания гривы, когда за спиной раздался голос:

— Отдохнул, Гавриил?

Я обернулся. Воевода Людслав стоял позади, свежий, умытый, в простой дорожной рубахе.

— Отдохнул, — ответил я. — Ночь была тихая.

Он подошёл к Цоку и погладил его по морде. Тот сразу вытянул шею. Цок чужих особенно не жаловал, но воеводу помнил давно. Иногда даже сам подходил к нему, если вокруг не было слишком шумно. Бывало, стоит тот посреди двора, вокруг бояре, старшие дружинники, спорят о чём-нибудь серьёзном, а Цок проберётся между людьми и сунет ему морду под руку. Людслав тогда смеялся:

— Вот ведь. Пройду по городу — половина людей меня со спины не узнает, а этот сразу является.

Теперь он гладил Цока и какое-то время молчал.

— Иногда думаю о вас двоих, — сказал наконец. — Странно, что после всего пережитого вы ещё сохранили головы. И рассудок.

— С головой спорить не стану. А насчёт рассудка ты торопишься.

Воевода поднял на меня глаза.

— Я вернулся оттуда не совсем прежним. Не люблю пиров. Не люблю больших компаний. Песни утомляют. Разговоры тоже. Спать разучился. Чаще всего сижу где-нибудь в стороне и смотрю на других.

Я почесал Цока за ухом.

— Что-то человеческое я там всё-таки оставил.

— Не говори так.

— А как говорить?

Он промолчал.

— Впрочем, жалеть мне не о чем, — продолжил я. — Если уж судьба выбрала меня для этого дела, значит, так было нужно. Служба наша тяжёлая, но нужная.

Людслав посмотрел в сторону шатров. Всеслав как раз умывался холодной водой.

— Князь решил идти с тобой.

— Вижу.

— Теперь он как меч, который ещё только предстоит наточить.

— За это не беспокойся.
Я посмотрел на Всеслава.
— Меня больше тревожит его храбрость.
— Храбрость?
— Неосмотрительная.
Воевода усмехнулся.
— Разве бывает слишком много храбрости?
— Бывает. Чтобы хорошо сражаться, человек должен хотя бы немного бояться смерти.
— Странные слова от тебя.
— Зато верные. Тот, кто совсем смерти не боится, рано или поздно начинает сам лезть ей навстречу. Всеслава придётся сперва научить останавливаться.
— Если он переживёт с тобой первый месяц, потом проживёт ещё десять лет.
Я посмотрел на него.
— Не зарекайся.
— А что ты хочешь? Я пытаюсь себя утешить.
— Лучше не надо.
Некоторое время мы молчали.
— Что теперь собираешься делать ты? — спросил я.
— Возвращаться в Полоцк.
Он тяжело вздохнул.
— Дел там хватит на десятерых. Надо пересчитать княжеских людей, проверить дружину, запасы оружия, коней, корм, хлеб. Посмотреть, сколько можно собрать ладей, сколько людей оставить в городе. Разослать вести по волостям. Понять, кого можно поднять быстро, если дело дойдёт до открытой войны.
Он снова провёл ладонью по морде Цока.
— И решить, куда девать казну, если всё пойдёт совсем плохо.
Я посмотрел на него.
— Уже об этом думаешь?
— А я обязан.
Он говорил спокойно.
— Князь может победить. Может проиграть. Может вернуться. Может не вернуться. А земля останется. После нас тоже кому-то придётся править.
— Разумно.
— Потому и спрашиваю тебя. Ты полжизни таскаешься по таким местам, куда другие люди даже по нужде не ходят. Не знаешь ли места, где можно спрятать княжескую казну так, чтобы её не нашли ни люди, ни другие?
— Ты хочешь сразу невозможного.
— Поэтому спрашиваю тебя.
Я задумался.
— Есть одно старое городище за Двиной. Далеко от больших дорог. Земля там болотистая, подходы плохие. Под валом остались старые погребя.
— Насколько старые?
— Настолько, что я не знаю, кто их выкопал.
Людслав поморщился.
— Уже нравится меньше.
— А ты хотел место, куда никто не полезет.
— Люди туда ходят?
— Редко.
— А нелюди?

Я помолчал.

— Ещё реже.

— Почему?

— Потому я его тебе и предлагаю.

Он нахмурился.

— Что там?

— Ничего такого, с чем твои люди захотели бы познакомиться.

— Очень обнадёживает.

— Я стараюсь.

Воевода немного подумал.

— Сможешь показать?

— Если дорога снова вынесет нас к Двине — пошлю тебе весть. Сам поведу несколько твоих людей. Без меня туда лучше не лезть.

— Договорились.

Он кивнул.

— А куда вы теперь?

— Сначала к волоку.

— К какому именно?

— К тому, где ещё можно встретить купцов и проводников, ходивших дальше к Ловати и озёрам. Мне нужны люди, которые знают северные леса лучше меня.

— Ты говорил, что знаешь их.

— Знал двадцать лет назад. Это разные вещи.

— А оттуда?

— К той женщине.

Воевода посмотрел на меня.

— Которую ты вчера так и не назвал.

— И сегодня не назову.

— Почему?

— Потому что тебе незачем знать.

— Иногда ты раздражаешь даже меня.

— Представляю, каково будет Всеславу.

— Когда приблизитесь к Полоцкой земле, дай знать.

— Если приблизимся.

— Гавриил.

— Хорошо. Дам.

К нам неторопливо подходил Всеслав. Без доспеха любой человек сразу кажется легче. Князь умылся, привёл себя в порядок и, судя по лицу, уже окончательно проснулся. Воевода встретил его улыбкой.

— Ну вот, князь. Настал день.

Всеслав остановился перед нами и торжественно произнёс:

— Значит, сегодня выступаем против полчищ из Преисподней.

Я посмотрел на него.

— Думаю, сегодня обойдёмся без полчищ.

— Жаль. Я уже приготовился.

— Но осторожность тебе всё-таки не повредит, князь.

— Не сердись, монах. Я просто ещё не решил, сколько в ваших рассказах правды, а сколько бабьих сказок.

Людьслав сразу посерьёзней.

— Слушай Гавриила.

— Я слушаю.

— Нет. Ты ждёшь, пока он закончит, чтобы потом поспорить. Это другое.

Всеслав поднял брови.

— Если ты чего-то не видел, князь, — продолжил воевода, — это ещё не значит, что его нет.

— Я и не утверждаю.

— Утверждаешь. Только другими словами.

Всеслав решил не продолжать.

— После еды выступаем?

— Поедим, соберёмся и пойдём.

Князь кивнул.

— Я уже раз пять объяснил своим, что делать после возвращения в Полоцк. Наверное, можно наконец оставить их без надзора.

Повернулся ко мне.

— Значит, снова идём к женщине?

— Да.

— Надеюсь, хоть эта молодая.

— Красавица.

Он сразу оживился.

— Вот теперь дорога нравится мне больше.

Воевода покачал головой.

— И гостеприимная? — спросил Всеслав.

— Очень.

— А с карликами какими-нибудь нам случайно воевать не придётся?

Я посмотрел на него.

— Судя по всему, это как раз одни из немногих, с кем нам пока воевать не надо.

Князь перестал улыбаться.

— Ты сейчас серьёзно?

— А ты думал, я всю жизнь просто бродил по свету от нечего делать?

Я почувствовал, что начинаю раздражаться.

— Бывал в Царьграде. Ходил на Афон. Добирался до Святой земли и поклонялся Гробу Господню. Был и дальше к югу, видел земли, о которых у нас большинство знает только из книг. Всё это время я не только молился.

Всеслав внимательно смотрел на меня.

— Я учился. Собирал знания. Искал людей. Искал тех, кого людьми не называют. И просил Господа дать мне сил для той войны, которую обычные люди не видят.

Людслав заметил мой тон и вмешался:

— Ты теперь знаешь про Ряд, Всеслав.

Князь повернулся к нему.

— До сих пор тебя берегли потому, что нельзя было раскрывать твоё имя. Теперь это кончилось. Настало время самому нести свою часть службы.

Он кивнул на меня.

— Гавриил слишком долго тащит всё это один. Ему нужен тот, кто сможет идти дальше, когда он уже не сможет.

Всеслав посмотрел на меня. Воевода продолжил:

— Не посрами ни себя, ни Ряд.

Князь перестал улыбаться.

— Хорошо. Простите. Мне просто нужно время, чтобы всё это уложилось в голове.

— Из всего, что у нас есть, — ответил я уже спокойно, — времени как раз меньше всего.

Воевода хлопнул Всеслава по плечу.

— Пойдём лучше поторопим людей. Чем раньше выступим, тем дальше уйдём до вечера.

Вскоре мы тронулись. Большинство поело на ходу. Вьюки связали, лошадей оседлали, костры затушили. Сначала шли дружинники. За ними — вьючные кони и слуги. Потом мы с Цоком. До развилки дошли быстро. Вчера я сидел здесь и ждал Всеслава. Сегодня мы повернули на другую дорогу — ту, что уходила на север. Колонна двигалась медленно. Мы с воеводой почти не разговаривали. У каждого хватало собственных мыслей. Зато Всеслав не умел долго ехать молча. Он переходил от одного дружинника к другому, о чём-то спрашивал, шутил, вспоминал общих знакомых. Почти любой разговор через некоторое время заканчивался тем, что князь доставал привязанную к седлу флягу с питьём и предлагал собеседнику глоток. Я только смотрел. Ученик мне достался непростой. К вечеру мы добрались до небольшой реки, зажатой между тремя лесистыми холмами. Далеко за день не ушли. Воевода Людслав был недоволен. Но на этот раз не мог обвинить в медлительности ни меня, ни Цока. Вьюки и люди задерживали нас сильнее. Река пробивалась между склонами, и нормальной поляны поблизости не нашлось. Пришлось устраиваться прямо среди деревьев на покато́м берегу. Всеслав осмотрел место для ночлега.

— Ночью скачусь в реку.

— Это от питья бывает, князь, — заметил я.

Он махнул рукой. Люди собрались вокруг нескольких костров. Но настроение уже отличалось от вчерашнего. У старухиной избы всем почему-то было спокойнее. Здесь же лес снова стал просто лесом, ночь — ночью, а неизвестность — неизвестностью. Ели почти молча. Если кто и говорил, то тихо. Часовые на этот раз не дремали. Они всматривались в темноту и вздрагивали от каждого шороха. Только мы с Цоком чувствовали себя сравнительно спокойно. Мы давно знали: ночь шумит по-разному. Одни звуки можно не замечать. При других лучше сразу вставать. Мы втроём сидели у огня. Всеслав начал клевать носом, потом вдруг встрепенулся, будто вспомнил что-то важное.

— Гавриил.

— Что?

— Что ты знаешь о тех, кто определяет человеку судьбу при рождении?

Я посмотрел на него.

— Почему спрашиваешь?

— Старуха вчера говорила о моей судьбе. А мать рассказывала про волхвов, которые приходили после моего рождения. Старые люди вообще не любят говорить о таких вещах. Будто само слово может кого-то позвать.

Я немного подумал.

— У разных народов рассказывают по-разному.

Подбросил ветку в огонь.

— В некоторых старых сказках есть три сестры. Они приходят к младенцу в первые дни его жизни и спорят о том, каким будет его жребий.

Всеслав слушал внимательно.

— Одна желает ребёнку смерти. Другая оставляет ему жизнь, но тяжёлую. Третья даёт долгую жизнь и удачу.

— И кто из них решает?

— Никто одна.

— Тогда как?

— Как договорятся, так и будет.

Князь нахмурился.

— Удобная сказка. Можно объяснить любую жизнь.

— Потому я и сказал: сказка.

— Но ты в неё веришь?

— Я верю, что люди очень давно пытаются понять, почему одному ребёнку достаётся одно, а другому другое.

— Не ответил.

— Именно.

Всеслав вздохнул.

— Старуха сказала, будто моя судьба записана заранее.

— Узнаем больше.

— У той женщины?

— Да.

— Она знает?

— Если кто и знает, то она.

— Всё-таки интересно, как она выглядит.

— Потерпи.

Всеслав явно не хотел спорить. И я видел ещё кое-что. Ему нравилось то значение, которое придавала ему вещунья Гостята. Он старался этого не показывать, но я уже начинал его понимать. Высокого мнения о себе князь не скрывал и в обычной жизни, а теперь ему ещё сообщили, что древнее пророчество ждало именно его. Как тут не задуматься. Беда была в другом. Всеслав хотел выбирать, чему верить. Пророчество — пожалуй. Ряд — допустим. Нелюди — ещё посмотрим. Какая-то другая сторона мира — это уже слишком. Но всё было связано. Нельзя вытащить из клубка одну удобную нить и объявить остальные выдумкой. Больше всего он доверял Церкви. Если священник говорил, что чего-то нет, значит, зачем об этом думать? И тут появлялся я. Тоже священник. Другие церковные люди меня терпели, некоторые даже уважали, а я рассказывал вещи, которых, по мнению многих из них, не должно было существовать. Всеславу это сильно мешало устроить мир обратно по полочкам. Правда, не настолько сильно, чтобы отказаться от ещё одной чаши. Он допил, вытер рот рукавом и довольно громко рыгнул.

— Что будет, то будет, — сказал наконец. — Поможет Бог.

Растянулся на своей подстилке. Через несколько мгновений уже спал. Я смотрел на него.

— Завидую.

Людслав усмехнулся.

— Чему?

— Вот таким людям. Самые счастливые.

— Почему?

— Решил, что дальше думать бесполезно, лёг и заснул.

Воевода тоже лёг, но глаза не закрыл. Я видел, что ему стало немного спокойнее. Теперь он знал, что Всеслав остаётся со мной и что за эту часть дела отвечаю я. Значит, можно хотя бы ненадолго перестать тревожиться ещё и о князе. А своих забот ему хватало. Вернувшись в Полоцк, он должен был проверить дружину и городскую стражу. Собрать сведения о запасах хлеба, конях, ладьях, оружии. Послать людей по волостям и выяснить, сколько воинов можно собрать быстро, а сколько только через несколько недель. Надо было смотреть за дорогами. Слушать вести из Новгородской земли. Понимать, что делают Ярославичи и не готовится ли кто-нибудь ударить первым. Всеслав после смерти отца сидел на полоцком столе уже больше двадцати лет, а положение Полоцка оставалось особым: Ярославичи могли ещё вчера идти рядом с ним против общего врага, а завтра начать считать полоцкую силу угрозой собственным землям. Человеческая политика редко уступает нижнему миру по запутанности. Воевода думал и о тех, кто поддержит князя, если дело дойдёт до войны. Одни старейшины обещали людей заранее. Другие будут ждать, пока не станет понятно, чья сторона сильнее. Третьих придётся убеждать. Он знал эту работу. Она была тяжёлой, но хотя бы понятной. Люди хотели земли, серебра, безопасности, мести, власти. У нелюдей желания бывали куда страннее. Навер-

ное, поэтому воеводе и стало легче. Он занимался людьми. Я — остальными. Некоторое время он лежал молча, глядя в огонь. Потом дыхание его стало ровнее. Он тоже уснул. А я остался сидеть возле костра. Как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.